

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Memento mori 9

Часть I. Разнообразие смертного опыта и поисков бессмертия

Глава 1. Высший дар. Осознание смертности 19

Глава 2. Куда приводят мечты. Грезы о бессмертии 47

Глава 3. Горний мир. Загробная жизнь в монотеизме 66

Часть II. Научный поиск бессмертия

Глава 4. Небеса внутри нас. Загробная жизнь духовидцев. 93

Глава 5. Свидетельства загробной жизни.
Околосмертный опыт и реинкарнация 112

Глава 6. Свидетельства загробной жизни. Аномальный
психологический опыт и общение с мертвыми.. 143

Глава 7. Всё о душе. Идентичность, репликация
и воскрешение 161

Глава 8. Загробная жизнь для атеистов. Может ли наука
победить смерть? 175

Часть III. Все наши вчера и завтра

Глава 9. Все наши вчера. Прогресс, упадок
и притягательность пессимизма 213

Глава 10. Все наши завтра. Утопии и антиутопии
в литературе и в жизни..... 236

Часть IV. Смертность и смысл жизни

Глава 11. Почему мы умираем. Смертный индивид и бессмертный вид.....	291
Глава 12. Представь, что рая нет. Как обрести смысл в бессмысленной Вселенной.....	313
Благодарности.....	335
Примечания	338
Послесловие от научного редактора	388
Предметно-именной указатель	389

Стало быть, самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют.

Эпикур. Письмо к Менекею (III в. до н.э.)*¹

* Цит. по: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. — М., 1983. — *Прим. пер.*

MEMENTO MORI

Жизнь коротка и вскоре оборвется;
Смерть приходит быстро и неотвратимо,
Смерть разрушает все и не щадит никого.
Смерти навстречу спешим, больше не грешим.
— Ad mortem festinamus («Смерти навстречу спешим»),

«КРАСНАЯ КНИГА МОНАСТЫРЯ МОНСЕРРАТ». 1399

С 50 000 г. до н.э. по 2017 г. н.э. родились примерно 108 млрд человек². Сейчас живут около 7,5 млрд человек. Следовательно, соотношение мертвых к живым составляет 14,4 к 1³: всего 7% когда-либо живших людей живы сейчас⁴. Ни один из 100,5 млрд человек, которые родились и умерли, не вернулся, чтобы подтвердить существование загробной жизни, — во всяком случае, согласно строгим научным критериям доказанности⁵. Это неотъемлемое свойство человеческого бытия. *Memento mori* — «Помни, что должен будешь умереть».

Жизнь коротка. Благодаря достижениям здравоохранения и медицинским технологиям ее продолжительность увеличилась более чем в два раза и на Западе сегодня приближается к 80 годам, но никому не удалось преодолеть предел долголетия нашего биологического вида — около 125 лет⁶. Действующий рекорд, 122 года и 164 дня, принадлежит французенке Жанне Кальман (1875–1997), но упоминания о еще более долгих сроках жизни, хотя и слабо документированных, заставили меня повысить планку до 125 лет. Пока я писал эту книгу, старейшая представительница человечества умерла в возрас-

те 116 лет, уступив место следующей, также 116-летней⁷. Долгожители-рекордсмены будут сменять друг друга бесконечно, но в отсутствие революционных медицинских и технологических прорывов в сфере продления жизни (с попытками которых мы с вами познакомимся далее) преодоление 125-летнего рубежа крайне маловероятно. *Memento mori*.

Жизнь конечна. Поэт Дилан Томас призывал «не уходить смиренно в ночь небытия» — напротив, «яростно противиться, коль свет уходит прочь». Большинство людей, впрочем, склоняются к восприятию смерти Джона Донна: «Короткий сон — и вспыхнет вечный свет»⁸. Однако прежде придется умереть. *Memento mori*.

Убеждение, что смерть еще не конец, чрезвычайно распространено. С конца 1990-х гг. результаты опросов Института Гэллага неизменно показывают, что 72–83% американцев верят в загробную жизнь⁹. Согласно исследованию 1999 г., среди протестантов доля верующих в рай десятилетиями оставалась равной 85%, а среди католиков и иудеев росла с 1970-х по 1990-е гг.¹⁰ По данным опроса Pew Forum 2007 г., 74% американцев убеждены в существовании рая, а среди мормонов этот показатель достигает рекордных 95%¹¹. По данным многолетнего исследования общественного мнения Harris Poll, в 2009 г. веру в небеса разделяли в среднем 75% американцев — от 48% иудеев до 97% вновь обратившихся к вере христиан¹². Показательно, что вера в дьявола и силы ада постепенно слабела среди адептов как либеральных, так и консервативных церквей¹³ и во всех опросах веривших в загробные муки оказывалось на 20–25% меньше, чем рассчитывавших на райское блаженство, — налицо склонность к чрезмерному оптимизму (*overoptimism bias*)¹⁴. За пределами США доля верящих в загробную жизнь обычно ниже, но тоже велика. Например, в ходе опроса 18 829 человек из 23 стран (Ipsos/Reuters, 2011 г.) 51% респондентов сообщили, что убеждены в существовании загробной жизни, при этом процент менялся от 62% (индонезийцы) и 52% (жители ЮАР и Тур-

ции) до 28% (бразильцы) и всего 3% жителей чрезвычайно секуляризованной Швеции¹⁵.

Вера в загробную жизнь настолько мощна и притягательна, что ее разделяет треть агностиков и атеистов. Представляете? В ходе проведенного в 2014 г. Институтом изучения семьи и культуры в Остине исследования 15 738 американцев от 18 до 60 лет из 13,2% опрошенных, которые отнесли себя к атеистам или агностикам, 32% утвердительно ответили на вопрос: «Считаете ли вы, что после смерти существует жизнь или сознание в той или иной форме?»¹⁶ Разумеется, это меньше среднего для данного исследования значения в 72%, но все равно на удивление много. Мы привыкли считать, что мировоззрение атеистов и агностиков строится на предположении, что если Бога нет, то нет и загробной жизни. Возможно, это слишком смелое утверждение: кто знает, чем руководствуется человек, заполняющий подобную анкету? Однако тот факт, что 6% атеистов и агностиков рассчитывают еще и на телесное воскрешение мертвых (для сравнения: этот показатель среди всех опрошенных составил 37%), возможно, свидетельствует: вера в Бога и в бессмертие лежит в разных плоскостях. Можно верить в жизнь после смерти, но не в Бога. Можно в то и в другое. Или ни в то ни в другое.

УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ НА НЕБЕСА

Небеса за гробом, может, существуют, а может, нет, но здесь, на земле, они есть — во всяком случае, для тех, кто в них верит. В этом смысле горние выси, вместилище божеств и рая в умах верующих, столь же реальны, как и любой объект земного мира. Памятуя о том, что вера побуждает людей действовать, мы должны относиться к подобным воззрениям столь же серьезно, как и к политическим, экономическим или идеологическим убеждениям, обладающим аналогичной властью над нашими действиями. Уроженец Саудовской Аравии шейх Абдулла Мухайсини в сирийском Алеппо в 2016 г.

воодушевлял последователей-мятежников описанием прекрасных женщин с лучистыми глазами, которые станут им наградой после смерти:

Есть здесь те, кто желает 72 небесные супруги? Вот жена для тебя, о, мученик, на небесах: если она плюнет в море, море становится сладким. Если поцелует тебя, твой рот наполнится медом.... Когда она потеет, рай наполняется благоуханием. Представь, каково оказаться в ее объятиях!¹⁷

Трагедия 11 сентября 2001 г. заставила Запад задуматься о влиянии веры в райское блаженство на террористов-смертников. Хотя, по словам большинства мусульманских ученых, Коран запрещает самоубийство — намного меньшее зло, чем подрыв самого себя, сопровождающийся гибелью гражданских лиц. Этот запрет, очевидно, можно обойти, что и дает множество молодых мужчин (и немногочисленных женщин), готовых стать мучениками, надев пояс смертника и взорвав себя в местах массового скопления людей. Фактически в исламе только мученики отправляются прямо в рай, минуя стадию суда, напоминающую чистилище. Как поясняет религиовед Алан Сегал, «на “священной войне” *муджахидин* может заслужить статус *шахида*, мученика. Более того, в ранних *хадисах* мученичество поощряется. Человек, стремящийся к мученической смерти, *талаб аш-шахада*, возвысится и станет примером для подражания. Об этом типе мученичества ревностно молятся, его страстно взыскиют»¹⁸.

Сам пророк Мухаммед сказал, что любой мусульманский воин, павший в атаке на неприятеля, попадает сразу на небо. Неудивительно, что это оказалось великолепной мотивацией для его войска 15 марта 624 г. в битве при Бадре перед лицом многократно превосходящих сил противника. После долгой ночной молитвы Мухаммед объявил встревоженным солдатам, что архангел Гавриил дал ему обещание: все ангельские силы будут на их стороне и любой, кто падет сегодня, немед-

ленно проснется в раю. По легенде, 15-летний солдат Умайр воскликнул: «Чудо из чудес! Неужто единственное, что нужно мне, чтобы войти в рай, — чтобы кто-то из этих людей убил меня?» Войско Мухаммеда победило, будто бы потеряв убитыми только 14 человек, одним из которых по иронии судьбы (а может, и нет) оказался Умайр. Как говорили на Диком Западе, когда легенда становится фактом, выбирают легенду¹⁹.

Чтобы перенести эффект поднятия боевого духа на современных террористов-смертников, «вражеские солдаты», которых предстоит сокрушить, объявляются воинами армии вторжения Большого Сатаны — Израиля и Америки, — с ними и сражаются мусульмане, считающие себя мучениками за веру. Для этого малого, но влиятельного в мире меньшинства мусульман каждый, кто поддерживает Израиль и Соединенные Штаты, по определению является неверным, и, соответственно, любое насилие против Большого Сатаны совершается в порядке самообороны. Эта разновидность терроризма отличается от акций политических анархистов начала XX в. и революционеров — марксистов конца того же столетия тем, что террористы — последователи ислама желают умереть не просто ради политических целей, но и по религиозным мотивам, с надеждой на райское блаженство в качестве вознаграждения. Хрестоматийная формулировка этого современного верования принадлежит смертнику Мохаммеду Атте, направившему 11 сентября 2001 г. самолет American Airlines в башню Всемирного торгового центра. Вот цитата из предсмертной записки, которую он оставил в арендованной машине:

Когда начинается противостояние, сражайся, как воины, не желающие возвращаться в этот мир. Кричи «Аллах акбар!», потому что это наполняет страхом сердца неверующих. Знай, что райские кущи ждут тебя во всем своем великолепии и райские девы ожидают, призывая: «Приди, друг Бога». Они нарядились в самые прекрасные одежды²⁰.

Это религиозное верование подкрепила статья, опубликованная в издании ИГ (организация, запрещенная на территории РФ. — *Прим. ред.*) *Dabiq* под названием «Почему мы ненавидим вас, почему мы воюем с вами». В ней перечислено шесть причин²¹:

1. Мы ненавидим вас, прежде всего, за то, что вы неверующие; вы отрицаете единственность Аллаха — сознаете вы это или нет, — ставя рядом с Ним других [почитаемых] при молитве, вы кощунствуете на Него, утверждая, что у Него есть сын.
2. Мы ненавидим вас, потому что ваши светские либеральные общества позволяют именно то, что запретил Аллах, и запрещают многое из того, что Он дозволил.
3. Что касается маргиналов-атеистов, мы ненавидим вас и ведем с вами войну, поскольку вы не верите в существование вашего Господа и Творца.
4. Мы ненавидим вас за преступления против ислама и ведем с вами войну, чтобы наказать за нападки на нашу религию.
5. Мы ненавидим вас за преступления против мусульман; ваши дроны и ракеты ваших истребителей убивают и калечат наших людей по всему миру.
6. Мы ненавидим вас за захват наших земель и воюем с вами, чтобы одолеть вас и вышвырнуть вон.

Анонимный автор призывает читателей не отвлекаться на второстепенные политические мотивы. «Даже если вы перестанете бомбить нас, бросать в тюрьмы, мучить нас, клеветать на нас и отнимать наши земли, мы все равно будем вас ненавидеть, потому что главная причина ненависти не исчезнет, пока вы отвергаете ислам». Кроме того: «Столь же, если не более важно понимать, что мы воюем с вами не для того только, чтобы наказать и остановить вас, но чтобы принести вам истинную свободу в этой жизни и спасение в загробном мире».

Вот она, суть. Загробный мир. Какие бы иные мотивы ни толкали террористов-смертников на насилие — деньги, секс, авантюризм, внешняя политика США²², — любой, сомневающийся в искренности их глубокой религиозной веры в вознаграждение на небесах за смертоносную жертвенность, отрицает очевидное.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЕ

Верования, связанные с загробной жизнью и бессмертием, многочисленны и разнообразны (поэтому в названии этой книги, «Небеса на земле», использовано множественное число), а их земное происхождение свидетельствует, что корнями они в человеческой природе и культуре. Эта книга посвящена одному из главных вопросов бытия человека, толкающих теологов, философов, ученых и всех мыслящих людей на поиски смысла и предназначения нашей жизни в качестве смертных существ, на поиски способов преодолеть смерть. Мы рассмотрим, как осознание смертности и ограниченности человеческого существования породило веру в рай и ад, в загробную жизнь и воскрешение, духовное и физическое, в утопии и антиутопии, в прогресс и упадок, в совершенство и ущербность человеческой природы. Представлений о небесах — и о рае на земле — почти столько же, сколько людей, всерьез задумывающихся о том, что происходит, когда мы умираем, и как усовершенствовать жизнь, пока мы живы. Мысленный выход за пределы физического мира толкает на поиск духовного бессмертия на небесах, физического бессмертия на земле и совершенства общества здесь и сейчас.

Со страниц этой книги к вам обратятся светила науки и религии. Психологи и антропологи поделятся теориями о смерти и умирании и о влиянии на нас осознания смертности; археологи и историки расскажут, как люди впервые поняли, что смертны (что и породило мифы и религии), иудеи, христиане и мусульмане — о монотеистическом взгляде

на рай и ад, о воскрешении души и тела и о том, что происходит, когда мы умираем. Вы узнаете мнение представителей других религиозных традиций, стремящихся обрести бессмертие путем изменения сознания, в том числе современных духовных гуру, например Дипака Чопру, верящего в трансцендентное сознание как форму вечной жизни, а также специалистов по когнитивной науке, пытающихся объяснить аномальный психологический опыт, медиумов, убежденных, что можно разговаривать с мертвыми, мыслителей и ученых, исследующих опыт пребывания на грани смерти и веру в реинкарнацию как доказательство загробной жизни, скептиков, предлагающих материалистические интерпретации, светских философов и ученых, стремящихся к бессмертию путем радикального увеличения продолжительности жизни, минимизации старения, использования антивозрастных лекарств, крионики, трансгуманистического образа жизни, технологической сингулярности, загрузки сознания в компьютер и других вариантов жизни после смерти для атеистов. Писатели-беллетристы описывают идеальное будущее, мечтатели создают утопии, пессимисты пророчат упадок цивилизации, диктаторы и демагоги эксплуатируют людские страхи и пытаются перестраивать социумы в соответствии с собственными представлениями о райской жизни, наблюдая их крах после неизбежного столкновения с реальностью — когда мечта об утопии сменяется ужасом антиутопии.

В конце пути мы рассмотрим фундаментальные проблемы: почему мы смертны, как наш вид может обрести бессмертие, что следует из отсутствия рая в горнем мире или здесь, на земле, и как найти смысл во Вселенной, которая представляется бессмысленной. Наука способна ответить на эти глубокие вопросы, если подойти к ним рационально, честно и смело.

ЧАСТЬ I

РАЗНООБРАЗИЕ СМЕРТНОГО ОПЫТА И ПОИСКОВ БЕССМЕРТИЯ

Бессмертие — это обыденность; все существа, кроме человека, бессмертны, поскольку не ведают о смерти; божественно, ужасно, непостижимо — знать, что смертен.

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС. БЕССМЕРТНЫЙ (1943)

ВЫСШИЙ ДАР

Осознание смертности

Высший дар — нерожденным быть;
Если ж свет ты увидел дня —
О, обратной стезей скорей
В лоно вернись небытья родное!

Софокл. Эдип в Колоне (406 г. до н. э.)*¹

Где вы были до рождения?

Этот вопрос большинству из нас кажется совершенной бессмыслицей, поскольку, пока не родились, мы не существовали. Та же проблема возникает при попытке представить свою смерть. Попробуйте сами. Что приходит вам на ум? Ваше бренное тело — например, в гробу, в окружении близких и друзей в сцене похорон? Может быть, на больничной койке, где вас одолела смертельная болезнь, или на полу родного дома, на который вы упали, сраженный роковым сердечным приступом? Ни один из этих вариантов — как и любой другой, доступный вашему воображению, — невозможен, потому что нужно быть живым и в сознании, чтобы наблюдать или представлять любую сцену. Вы не сможете мысленно увидеть себя, когда умрете, как не способны представить себя до рождения.

Существование не только предшествует сущности, как заявил Жан-Поль Сартр в одном из основополагающих

* Цит. по: Софокл. Драмы. — М., 1990. — *Прим. пер.*

текстов экзистенциализма². Существование *и есть* сущность. Нет существования, нет и сущности. Как выразил эту проблему немецкий поэт и философ Иоганн Вольфганг фон Гёте: «Мыслящему существу решительно невозможно представить себе небытие, прекращение мышления и жизни; стало быть, каждый из нас, сам того не ведая, носит в себе доказательство бессмертия»³. Зигмунд Фрейд размышлял о смерти в аналогичном ключе: «Мы не можем вообразить свою смерть; всякий раз оказывается, что мы пережили самих себя в качестве зрителей»⁴.

Чтобы испытывать что бы то ни было, нужно быть живым, поэтому невозможно получить личный опыт смерти. Однако мы знаем, что она реальна, поскольку каждый из сотен миллиардов живших до нас людей умер. Парадокс.

ПАРАДОКС СМЕРТНОСТИ

В ныне классической, удостоенной Пулитцеровской премии книге 1973 г. «Отрицание смерти» антрополог Эрнест Беккер описывает двойственность положения человека в природе:

...в звездной выси и в то же время заключенный в перекачивающее кровь, заглатывающее воздух тело, некогда принадлежавшее рыбе, о чем свидетельствуют остатки жаберных дуг, — человек буквально расколот надвое. Он сознает свою чудесную уникальность, выделяющую его из природы и возносящую на недостижимую высоту, однако возвращается в землю, чтобы слепо и бессловесно сгнить и исчезнуть навеки. Это ужасающая дилемма, в которой и с которой мы вынуждены жить⁵.

Вправду ужасающая? Не для меня, но для многих. Например, в книге «Бессмертие» британский философ Стивен Кейв утверждает, что попытки разрешить парадокс между осознанием собственной смертности и невозможностью представить небытие вылились в четыре интерпретации бессмертия⁶.

1. *Вечная жизнь*: «Как все биологические системы, мы стремимся избежать смерти. Мечта о вечном бытии — физическом — в этом мире является первичной концепцией бессмертия».
2. *Воскрешение*: «Вера в то, что, несмотря на неизбежность физической смерти, мы сможем физически восстать из нее в телах, которыми обладали при жизни».
3. *Душа*: «Мечта о выживании в форме той или иной духовной сущности».
4. *Наследие*: «Опосредованные способы продлить себя в будущее» (например, слава, заслуги, роль в истории или дети).

Четырехчастная схема Кейва так наглядна, что полезно ознакомиться с ее элементами в поисках возможности снятия парадокса.

Первый вариант, *вечная жизнь*, в настоящее время неосуществим. Ученые стараются продвинуть наш верхний возрастной предел различными медицинскими методами, однако можно с уверенностью утверждать, что никто из ныне живущих не переступит 125-летнего порога*. Даже если медицина поднимет планку на несколько лет или десятилетий, мечта о жизни, исчисляемой веками или тысячелетиями, несбыточна.

Второй вариант, *воскрешение*, сопряжен с двумя логическими проблемами воссоздания тела, имеющими как религиозный, так и научный аспекты. Это, во-первых, *проблема трансформации*: как собрать вас заново в прежнем виде,

* Вероятно, это утверждение основано на статье, опубликованной в 2015 г. в журнале *Nature* (<https://www.nature.com/articles/nature19793>). Авторы делают такой вывод на основании демографических данных, в частности того, что за последние десятилетия максимальная продолжительность жизни почти не изменилась. Однако это исследование подвергалось и критике на страницах того же журнала (<https://www.nature.com/articles/nature22788>). Дискуссии о максимальной продолжительности жизни ведутся давно, но пока мы знаем недостаточно, чтобы делать однозначные выводы. Говорить о научном консенсусе по данному вопросу рано, тем более что в будущем могут появиться новые технологии увеличения продолжительности жизни. — *Прим. ред.*

но неуязвимыми для болезни и смерти? Во избежание этих неприятностей вы должны будете возродиться в состоянии, значительно отличающемся от нынешнего, и новая сущность в действительности уже не будет вами. Возможным обходным путем является сохранение (вероятно, с последующей загрузкой в компьютер) *коннектома* — нейронного аналога генома — хранилища ваших мыслей, воспоминаний и вашего «я». Я участвую в одном из направлений этого исследования и подробно расскажу о нем в главе 7, а пока ограничусь замечанием, что помимо технологических сложностей этот вариант влечет за собой. Во-вторых, *проблему дубликации*: чем дубликаты будут отличаться от близнецов? Даже если обладающий безграничными возможностями суперкомпьютер далекого будущего создаст вашу цифровую копию, это будет всего лишь копия — с теми же, что у вас, мыслями и памятью вплоть до начала независимого существования. А с этого момента у вашей копии появятся собственные жизненный опыт и воспоминания, таким образом, вы с ней будете, с позиций логики, неотличимы от однойцевых близнецов* — с юридической точки зрения самостоятельных личностей, а не дубликатов одного и того же индивида.

Третья концепция, *душа*, традиционно рассматривается как независимая от физического тела сущность («духовное тело»), однако ученые экспериментально доказали, что разум, то есть сознание, память и ощущение самости, являющееся нашим «я», не может существовать без головного мозга. Когда участки мозга гибнут вследствие ранения, инсульта или болезни Альцгеймера, соответствующие функции, которые мы называем разумом, умирают вместе с ними. Без мозга нет разума, без тела нет души. Ученые, работающие над сохранением коннектома, также рассматривают возможности пробуждения к жизни замороженного мозга с его неповрежден-

* Однояйцевые близнецы все же отличаются нейронными сетями. На развитие тела влияют многие случайные факторы. — *Прим. ред.*

ным коннектомом (криоконсервация) либо сканирования всех до единого синапсов мозга и его оцифровки, что позволило бы «читать» его как книгу и возвращать к сознательной деятельности в компьютере. Эта *научная душа* стала бы первой формой духовного тела, доступной для регистрации, но, как мы увидим, путь к этой разновидности бессмертия преграждают немислимые препятствия. Не думаю, что это случится за время моей да и чьей-либо жизни, вследствие чего у нас остается лишь...

Четвертый вариант, *наследие*. Строго говоря, это вообще никакое не бессмертие. Это, скорее, отметина в памяти — воспоминание о жившем. Как саркастически заметил Вуди Аллен: «Я не хочу достичь бессмертия своими творениями; я хочу достичь бессмертия тем, что *не умру*. Я не хочу жить в сердцах соотечественников; я хочу жить в своей квартире»⁷. Сейчас это максимум наших возможностей — неплохо с учетом того, как много значит наша жизнь для людей, которых мы знаем и любим (порой и для незнакомых), но, разумеется, этот вариант приносит намного меньше удовлетворения, чем мечта о вечной, в буквальном смысле, жизни.

Кейв снимает парадокс, утверждая, что сюжет наследия, который мы себе рассказываем, является движущей силой изобразительного искусства, музыки, литературы, науки, культуры, архитектуры и других творений цивилизации — и даже самой цивилизации. Движущая сила наследия — *страх смерти*, это утверждение ныне развито в полноценную исследовательскую модель. Она была названа теорией управления страхом смерти (Terror Management Theory, TMT) и описана психологами Шелдоном Соломоном, Джеффом Гринбергом и Томом Пищински в многочисленных статьях и более развернуто в книге «Червь в сердцеvine: о роли смерти в жизни» (The Worm at the Core: On the Role of Death in Life)⁸. Необычное название книги, вдохновленной трудом Эрнеста Беккера, восходит к классической работе Уильяма Джемса «Многообразии религиозного опыта» (1902 г.), в кото-

рой психолог заметил, что «стоит нашей животной жизненной силе чуть уменьшиться и инстинктам ослабнуть, стоит нам утратить немного животной мощи, поддаться раздражающей слабости и снизить болевой порог, как становится ясно виден червь в сердцевине всех наших обычных источников радости, что превращает всех нас в склонных к меланхолии метафизиков»⁹. С точки зрения ТМТ, осознание собственной смертности заставляет разум сосредоточиться на продуцировании положительных эмоций (и творений), чтобы избежать ужаса перед лицом смерти. Шелдон Соломон поясняет:

Люди «контролируют» этот ужас, усваивая культурообусловленные картины мира — представления о реальности, — разделяемые с другими членами группы, что внушает каждому из нас ощущение себя как ценного индивида в осмысленной Вселенной, следовательно, заслуживающего буквального и/или символического бессмертия. Соответственно, у людей возникает мощный стимул (пусть совершенно неосознанный) сохранять веру в свои культурообусловленные картины мира и убеждение в самоценности (иначе говоря, самоуважение), а угроза лелеемым верованиям и/или самоуважению провоцирует защитную реакцию, старания укрепить свое видение мира и самоуважение¹⁰.

Итак, мы творим и изобретаем, строим и конструируем, пишем и поем, выходим на театральные подмостки и спортивные арены для того, чтобы заглушить ужас осознания собственной смертности. Цивилизация есть продукт не амбиций, а страха.

Позволю себе высказать сомнения. Во-первых, неочевидно, почему сознание смертности заставляет людей испытывать ужас, защищать свою культурообусловленную картину мира или испытывать потребность в повышении самооценки. С тем же успехом оно могло бы делать людей более добро-

желательными к ближним — в одной экзистенциальной лодке плывем! Во-вторых, почему это отчаяние не заставляет людей вообще покончить с созиданием и творчеством, бессмысленным в долгосрочной перспективе, если не в ближней? В-третьих, ученые — последователи ТМТ признают, что их теория во многом зависит от *неосознанных* состояний ума, которые невероятно трудно распознать и для возникновения которых необходима тонкая настройка мозга.

Сторонники ТМТ доходят до предположения, будто наши палеолитические предки преждевременно умирали от страха смерти. С чего бы? Группы гоминид, выработавшие религиозные ритуалы с целью ослабления страха смерти, имели больше шансов на выживание. «Существо, в котором пробивается осознание своей смертности, не имеющее системы религиозных верований, которые подавляли бы возникающий вследствие этого страх, едва ли смогло бы двигаться вперед в неизведанное и идти на риск, необходимый для выживания, собственного или своей группы», — полагают Шелдон Соломон и его коллеги.

Гоминиды, верившие в ту или иную духовную защиту, должны были с большей отвагой и уверенностью браться за рискованные занятия, которых требовало выживание в суровых опасных условиях. Из этого следует, что с пробуждением осознания смертности группы гоминид, выработавшие особенно привлекательные духовные воззрения, и отдельные особи, наиболее способные сохранять верность этим воззрениям, получали эволюционные преимущества¹¹.

Яркая картина, но ей недостает эмпирических свидетельств и она не столь правдоподобна, как конкурирующие гипотезы эволюционных источников культуры и религии и обуславливающих их психологических процессов. Человеческое поведение управляется множеством причин, и страх

смерти является лишь одной из движущих сил креативности и продуктивности, если является ею вообще. Способность к логическому мышлению — это характеристика нашего мозга, развившаяся настолько, чтобы позволить нам находить закономерности и устанавливать взаимосвязи в целях выживания и продолжения рода в среде обитания наших эволюционных предков. Логическое мышление — часть нашей когнитивной структуры, и, как только оно сформировано, его можно использовать для анализа проблем, на решение которых оно изначально не было рассчитано. Психолог Стивен Пинкер говорит о *незамкнутой комбинаторной системе формирования рассуждений* и отмечает, что, «даже если она сформировалась для решения повседневных задач, таких как приготовление пищи и защита родственных союзов, ей невозможно запретить строить предположения, вытекающие из других предположений»¹². Способность к логическому мышлению и коммуникации посредством символов используется в охоте, навык которой, безусловно, более важен для выживания, чем умение контролировать страх смерти. Сторонники ТМТ предполагают, что, «прежде чем решиться на охоту или исследование новых территорий, ранние *Homo sapiens* исполняли ритуалы и рассказывали истории о том, как духи помогут им сразить мамонтов, леопардов и медведей и защитят от потенциальных опасностей физического мира»¹³. Действительно, некоторые толкователи доисторических изображений бизонов, лошадей, зубров и оленей в пещерах Альтамиры, Ласко и Шове объясняют их появление магическими ритуалами охотников, однако скептики отмечают, что на многих из этих животных на данных территориях не охотились (там не были найдены их кости), зато другие животные, являвшиеся обычным объектом охоты (их кости с отметинами от оружия в изобилии присутствуют в пещерах и их окрестностях), в наскальной живописи не встречаются¹⁴. В любом случае, какое отношение символическая магия охоты имеет к страху смерти?

Возможно, это проявление когнитивной способности более практического характера, как предполагает профессиональный следопыт (и историк науки) Луис Либенберг, считающий нашу способность к логическому мышлению и символической коммуникации побочным продуктом базовых навыков, выработанных нашими предками в процессе охоты на дичь, причем отправной точкой стала способность к проверке гипотезы. «По мере появления новой фактической информации в процессе преследования дичи гипотезы приходилось пересматривать или заменять лучшими. Гипотетическая реконструкция поведения животных, возможно, помогала охотникам предугадывать и предсказывать перемещения добычи. Эти прогнозы служили текущей проверкой гипотез»¹⁵. Совершенствование навыков следопыта задействовало еще один когнитивный процесс, называемый *моделью психического состояния человека* (Theory of Mind, ToM), — чтение мыслей, в ходе которого охотники помещали себя в сознание преследуемого животного и представляли его мысли, чтобы предсказать действия.

На мой взгляд, это значительно более правдоподобное объяснение эволюции символического мышления, чем страх смерти. Когда создана нейронная архитектура, способная заключить, скажем, «лев спал здесь прошлой ночью», можно подставить вместо «льва» любое другое животное или предмет, заменить «здесь» на «там», а «прошлую ночь» — на «следующую ночь». Предметные и временные элементы процесса мышления взаимозаменяемы. Как объясняет Пинкер в своей книге «Как работает мозг»*, эта взаимозаменяемость является побочным продуктом нейронных систем, формировавшихся под базовые умения рационального мышления, такие как способность выследить животных, чтобы прокормиться¹⁶. Именно процесс комбинаторного логического мышления снизу вверх, включающий *индукцию* (рассуждение от конкретных фактов к общим выводам) и *дедукцию* (рассуждение от общих принци-

* Пинкер С. Как работает мозг. М.: Кучково поле, 2017. — Прим. пер.

пов к конкретным предсказаниям), позволил людям перейти от базовых навыков выживания вроде охоты и собирательства к более абстрактным концепциям, таким как смерть, загробная жизнь, душа и Бог. В этом смысле религия — это не непосредственное приспособление к условиям жизни, а побочный результат способностей к абстрактному мышлению.

Еще более базовым эволюционным мотивом творчества и культуры является секс и размножение — половой отбор, в терминах теории эволюции, — в рамках которого живые существа, от птиц-шалашников до высоколобых творческих личностей, создают великолепные произведения с целью заинтересовать партнера для спаривания. Самцы шалашников строят большие синие гнезда-шалаша, чтобы привлечь самок, и чем больше и синее гнездо, тем обильнее потомство. Аналогично поступают высоколобые творческие личности, чьи симфонии, эпические поэмы, романы, монументальные здания и научные открытия порой вдохновлены желанием привлечь партнеров и добиться признания. Как отмечает специалист по эволюционной психологии Дэвид Басс, критикуя теорию управления страхом смерти, «ТМТ опирается на устаревшую эволюционную биологию, делающую акцент на выживание, но игнорирующую репродукцию», она «не способна описать, как именно гипотетические психологические механизмы помогают людям решать реальные адаптивные проблемы выживания и воспроизводства, и вместо этого сосредоточивается почти исключительно на внутреннем аспекте психологической защиты», «не рассматривает, почему должна была возникнуть сама тревога» и «не способна объяснить различия социальной мотивации, коэффициентов смертности и причины разных уровней смертности у мужчин и женщин»¹⁷. Эволюционный психолог Джеффри Миллер подчеркивает этот момент в своей книге с красноречивым названием «Брачное мышление». Те, кто успешнее творит и изобретает, строит и конструирует, пишет и поет, выступает в театре или на стадионе, оставляет больше потомства, передавая свои творче-

ские гены будущим поколениям¹⁸. По словам выдающегося беллетриста Кристофера Хитченса, писательское или сценическое мастерство означает, что тебе никогда не придется ужинать или спать в одиночестве.

Я совсем не уверен, что сторонники ТМТ вообще измеряют то, что, по их убеждению, измеряется в их экспериментах. На мой взгляд, заявление, что люди испытывают «ужас» при осознании смертности, является предположением, а не наблюдением, а зависимость от бессознательных состояний разума еще более осложняет задачу точного определения, что же именно изучается. «Настоящая трудность в случае подобных теорий связана не с противоречиями в статистике, а с предполагаемыми подтверждениями со стороны статистики, — ответил психолог Фрэнк Саллоуэй на мой вопрос о ТМТ. — Эта проблема ранее возникла в связи с психоанализом. Ганс Айзенк с соавторами даже написали книгу, где показали, что ревностные последователи психоанализа, проверявшие свои построения на практике, систематически игнорировали все другие теории, подтверждавшиеся теми же примерами». Все дело в контексте. «Стоит слегка изменить контекст, и зачастую получаешь совершенно другие результаты исследования человеческого поведения, — продолжил Саллоуэй. — Поэтому необходимо тщательно учитывать возможное изменение того, что вы считаете предметом своего исследования, под влиянием контекста. Эта проблема схожа с проблемой рассмотрения альтернативных теорий, подтверждающихся одними и теми же примерами»¹⁹.

Например, мы с Саллоуэем исследовали вопрос, почему люди говорят, что верят в Бога, и почему считают, что другие люди также являются верующими. Мы не тестировали ТМТ, однако полученные результаты, на мой взгляд, противоречат центральной роли страха смерти в модели ТМТ²⁰. В исследовании мы, помимо сбора данных о происхождении и семье, религиозных верованиях и убеждениях, предлагали респондентам в свободной форме ответить на вопрос, почему они

верят или не верят в Бога и думают, что другие люди верят или не верят в Бога. Ответы независимо друг от друга кодировали мы с Саллоуэем, а также сторонний эксперт, не знавший цели исследования. Всего мы выделили 14 категорий для верующих и шесть для неверующих, к одной или нескольким из которых относился каждый ответ. На втором этапе исследования ответы кодировала вторая группа из пяти экспертов, также не ознакомленных с задачами исследования. Затем мы распределили получившиеся 20 категорий по трем общим группам откликов: эмоционального, интеллектуального и неопределенного характера. В таблице 1.1 представлены результаты из первой категории, в том числе страх смерти.

Обратите внимание, что только 3% респондентов упомянули «страх смерти» или «страх неизвестности» среди причин своей веры в Бога, что я считаю показательным применительно к главному тезису ТМТ; характерно, что те же люди назвали страх смерти или неизвестности одной из причин, по которым другие веруют. Вероятно, ТМТ больше говорит о проекциях авторов этой теории, чем о страхах испытуемых.

Социолог-религиовед Кевин Маккеффри, с которым мы обсуждали ТМТ, сделал тот же вывод, поместив страх смерти в контекст. Во-первых, в эволюционном прошлом человека тревога возникла как способ направить внимание на аспекты, важные для выживания, — на охоту, размножение и поддержание репутации в социуме. «Нужно отметить, что эти аспекты *связаны* с выживанием, но не являются тревогами о выживании (или смерти) *как таковым*. У охотников-собираателей были более практические заботы». Сегодня, указывает Маккеффри, «наши тревоги столь же прагматичны — выплаты за автомобиль, займы на образование, развод, отсутствие работы и так далее. Мы, безусловно, заинтересованы в том, чтобы контролировать эти тревоги, но, опять-таки, это тре-

воги из-за вещей, связанных с нашим выживанием и процветанием, а не с выживанием (или смертью) как таковыми». Маккеффри также подчеркнул, что исследования жителей чрезвычайно секуляризованных Швеции и Дании, где доля религиозных людей — одна из наименьших в мире, вообще не выявляют особого беспокойства по поводу смерти: «Не потому, что им нравится смерть, а в силу понимания, что с этим ничего поделать нельзя, поэтому они предпочитают сосредоточиваться на сторонах жизни, которыми могут наслаждаться и которые им подвластны»²¹.

Таблица 1.1. Эмоциональные причины, по которым люди верят в Бога и объясняют веру других

Общая категория	Типичный пример	О себе, %	О других, %
Вера	Потребность верить во что-то /религиозная принадлежность / верю, потому что верю	13	16
Эмоции	Ощущение присутствия Бога в повседневности	10	5
Душевный комфорт	Вера успокаивает / дает облегчение / утешает	9	35
Смысл	Вера придает жизни смысл	6	15
Страх смерти	Страх смерти/неизведанного	3	20
Нравственность	Без Бога нет морали	3	9
Социальные факторы	Давление окружения и другие социальные аспекты	1	17
Невежество	Тупость, необразованность, лень, нравственное нерадение, избегание ответственности	0	15

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЛЮДИ, СТАЛКИВАЯСЬ СО СМЕРТЬЮ

То приходя в сознание, то впадая в забытье, умирающий от рака Нобелевский лауреат, физик и блестящий рассказчик Ричард Фейнман, накопивший за жизнь на три тома мудрых высказываний и завораживающих историй²², напоследок сумел сказать только: «Ненавижу умирать дважды. Это так

скучно»²³. Кристофер Хитченс пришел к похожему выводу, описывая свои прощальные мысли в ходе курса лечения рака пищевода в цикле статей в *Vanity Fair* («На тему рака», «Опухолевый городок») — они были посмертно изданы в виде книги с жестким названием «Смертность». Быстро разгадавшись со знаменитой (и ложной) теорией Элизабет Кюблер-Росс о стадиях умирания (к примеру, *не каждый* проходит через все пять стадий отрицания, гнева, торговли, депрессии и принятия и *не всегда* соблюдается этот порядок), Хитч рассуждает:

В одном отношении, полагаю, я какое-то время находился «в отрицании», сознательно запалив свечу с обоих концов и обнаружив, что она часто дает приятный свет. Но по этой самой причине я не могу увидеть свое лицо, пораженное ужасом, или услышать свои сетования на то, как это несправедливо: насмешками я спровоцировал старуху с косою замахнуться на меня своим орудием и теперь переживаю нечто настолько предсказуемое и банальное, что это наводит на меня скуку²⁴.

К сожалению, кончина Хитча наступила слишком скоро. Как он сказал слушателям на публичном мероприятии, которое мы с ним посетили незадолго до его смерти: «Я умираю... как и каждый из вас».

Переход от жизни к смерти в процессе умирания заставляет нас вспомнить, что по-настоящему важно в жизни, отмечал мой первый преподаватель в колледже Ричард Хардисон, учивший меня астрономии, философии и психологии, когда я был студентом, и жизни — в последующие десятилетия. Это был один из умнейших и эффективно мыслящих людей, которых я знал, но, как многие представители «молчаливого поколения» (родившихся в 1925–1945 гг.), он скрывал эмоции, редко выказывая привязанность даже ближайшим своим друзьям. Осознание этой черты характера болезненно отозвалось в нем к концу жизни — в том числе в прощальном

письме, написанном в 87 лет, когда он думал, что умирает. Он поправился и прожил еще 3 года, но на панихиде его бывший студент и друг Рассел Уотерс дал прочесть присутствующим это письмо. Оно начиналось с признания Дика, что он узнал о своей возможной кончине во сне: «Как ни странно, не было ни паники, ни страха... лишь сожаление, что мне, возможно, не хватит времени поблагодарить друзей и родных за множество прекрасных вещей, которые они сделали, повысив качество моей жизни». Затем «атмосфера смерти развеялась, и утро началось, как обычно», но это стало «своего рода звонком будильника и напоминанием, что я должен написать [им] безотлагательно». Так он и сделал, подтвердив, что самыми важными в жизни были его друзья и члены семьи, и добавив: «Оказывается, я едва сдерживаю слезы, пока это пишу». Его залитое слезами письмо завершалось словами:

Наконец, «люблю» — признание, непросто дающееся мужчине-американцу, и, оглядываясь назад, я считаю большим несчастьем, что произносил его так редко. Мне следовало выражать привязанность — и да, любовь! — гораздо чаще. Но хотя бы на склоне дней я могу надеяться, что все вы, мои друзья и близкие, узнаете, как глубоко я ценю вашу выдающуюся роль в моей жизни.

Американским мужчинам моего поколения любовь дается проще, и я не боюсь лишний раз повторить, что любил Дика Хардисона.

ЛЮБОВЬ В ШАГЕ ОТ КАЗНИ:

ПРОВЕРКА ТЕОРИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПРИОРИТЕТА

Понимание того, что конец скорее близок, чем далек, усиливает осознание смерти и побуждает разум доискиваться истинного смысла жизни, и движет этим не страх, а время. И любовь. Альтернативу теории управления страхом смер-

ти можно было бы назвать *теорией эмоционального приоритета* (Emotional Priority Theory, ЕРТ) — при столкновении с осознанием смертности первостепенное значение приобретают эмоции. Сэмюэль Джонсон заметил: «Поэтому-то, сэр, если человек знает, что в течение двух недель его повесят, это превосходно концентрирует его ум»²⁵. Оказавшись перед лицом смерти, человек сосредоточивается на самых важных эмоциях в жизни, возможно глубочайшей из которых является любовь. Любовь — настолько сильная эмоция, что может вызывать зависимость, как шоколад и кокаин, причем прослеживается биохимия этого процесса²⁶. Страсть подстегивается нейрогормоном дофамином, который участвует в процессах обучения и положительного подкрепления, а также запускает выброс тестостерона, еще одного гормона, тесно связанного с сексуальным желанием. Любовь — это эмоция привязанности, уз, связывающих с другим человеком. Она усиливается благодаря гормону окситоцину, синтезирующемуся в гипоталамусе и выделяющемуся в кровь гипофизом. Этот гормональный коктейль, циркулирующий в головном мозге, заставляет людей чувствовать настолько прочную связь с другими, что они готовы умереть или убить ради любви.

Сильнее онкологического диагноза или пророческого сна фокусирует мозг дата казни, которую ожидают в камере смертников. С 1982 по 2016 г. в штате Техас казнили 537 преступников, 425 из которых произнесли последнее слово. Министерство юстиции штата Техас записало эти высказывания и выложило на своем сайте с указанием имени, возраста, образования, рода занятий, сведений о судимостях и о преступлении, за которое был вынесен смертный приговор²⁷. Сама собой возникла база данных о том, что занимало мысли этих людей (преимущественно мужчин, только 7 из 537 были женщинами²⁸) перед самой казнью, когда они лежали на каталке с иглой в вене в ожидании смертельной инъекции, в ряде случаев проваливаясь в беспамятство: «Оно приближается. Я чувствую, оно все ближе. Прощайте», «Я это чувствую; сей-

час я усну. Спокойной ночи, раз, два, вот и все». Одни покорились судьбе, ограничившись короткой руганью: «Давай, парень. Привяжи меня и вколи. Разве жизнь не [удалено цензурой]?» Или: «Пускай все знают, палач и Билл Скотт — жалкие сукины дети». Последнее слово других смертников было более достойным: «Я африканский воин, рожденный дышать и рожденный умереть». Но все это редкие исключения среди излияний любви, сожаления, прощения и блаженного предвкушения загробной жизни, как явствует из моего контент-анализа последнего слова 425 осужденных.

Я заинтересовался последними чувствами обитателей камеры смертников, прочитав исследование, проведенное в 2016 г. психологами Сарой Хиршмюллер и Борисом Эглоффом с помощью компьютерной программы анализа текста Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC). Количество произнесенных узниками эмоциональных слов сильно разнилось: от 0 до 50 связанных с положительными эмоциями и от 0 до 27 — с отрицательными в одном высказывании. Чтобы учесть этот разброс, психологи вычислили общий индекс позитивности каждого смертника и обнаружили, что у 82,3% из них уровень использования слов, связанных с положительными эмоциями, был выше 0. Главным открытием при сравнении употребления положительно и отрицательно окрашенных эмоциональных слов оказалась статистически значимая разница между первыми (9,64) и вторыми (2,65)²⁹. Значимая в сравнении с чем? Чтобы узнать это, Хиршмюллер и Эглофф сравнили свои результаты с данными другого исследования слов письменной речи из разнообразных источников, в том числе научных статей, романов, блогов и дневников, — более 168 млн слов, написанных 23173 человеками³⁰. Среднее содержание слов, выражающих положительные эмоции, в этой группе данных — 2,74 — оказалось меньшим, чем у заключенных (9,64). По сути, смертники были настроены более позитивно, чем студенты, которым предложили представить свою смерть и записать свои мысли³¹, и тем более чем люди,

совершившие самоубийство или его попытку и оставившие предсмертную записку³².

Эти результаты становятся понятны, если вспомнить, что у людей, собирающихся покончить с собой, умонастроение иное, чем у смертников перед казнью. Психолог Томас Джойнер в книге «Почему люди кончают жизнь самоубийством» (*Why People Die by Suicide*) утверждает: «Люди желают смерти, если две базовые потребности подавляются вплоть до полной неудовлетворенности, а именно потребность в принадлежности к группе или контакте с другими и потребность эффективно взаимодействовать или влиять на других»³³. Напротив, приговоренные к смерти используют значительно более социально ориентированные слова, особенно связанные с друзьями и семьей³⁴. За десять и более лет, проведенных в камере смертников, эти люди завязывают отношения с другими заключенными и сохраняют контакты с родственниками и друзьями на воле, что устраняет мотивы, характерные для потенциальных самоубийц³⁵. Далекие от ужаса перед грядущим мраком смерти выражения любви в последних словах осужденных на казнь поддерживают теорию эмоционального приоритета и опровергают теорию управления страхом смерти (ТМТ).

В качестве гарантии того, что я не подбираю удобные примеры, мы с коллегами-психологами Анондой Саиде и Кевинном Маккеффри внесли все высказывания в базу данных, после чего рейтеры Альберт Ли и Лайана Петраки присвоили им коды в соответствии с предварительными категориями, предложенными мной по прочтении всех высказываний, а третий рейтер, Мариса Монтойя, сняла расхождения в оценках этих двух экспертов. Это позволило нам рассчитать корреляции межэкспертной надежности, разнившиеся от 0,50 до 0,83 и имевшие статистически значимую корреляцию с доверительной вероятностью 0,01. Иными словами, кодировщики стабильно интерпретировали высказывания единообразно и в соответствии с моим первоначальным анализом³⁶.